

МИНАМОТО-НО ЁСИЦУНЭ И САМУРАИ МАЦУМАЭ: ДЕМОНЫ ИЛИ БОЖЕСТВА АЙНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЙНСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

М.В. Осипова

Марина Викторовна Осипова | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | к. и. н., доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

айны, фольклор, нарратив, японцы, самурай, божества, демоны

Аннотация

Научные исследования фольклора айнов, коренного малочисленного народа тихоокеанских островов, фокусируются на образцах, где главными героями являются обожествляемые животные, растения или природные объекты. Но существуют повествования, связанные с конкретными историческими личностями – японскими самураями, представителями иной культуры. Одни из них обожествлялись айнами, другие – демонизировались. Определение причины такого отношения является целью этой статьи. До сих пор в айноведении рассматривались только заимствованные фольклорные сюжеты, здесь же представлены и исконно айнские. И заимствованные, и айнские сюжеты повествований до сих пор не рассматривались с точки зрения анимистических взглядов народа: привычными стали работы, посвященные лишь одному герою – Минамото-но Ёсицунэ. В данной статье представлены и другие действующие лица из числа самураев, что предопределило ее новизну. Тщательный анализ сюжетов поможет восполнить существующий в айнской фольклористике пробел, определив роль каждого из самураев и причины соответствующего к ним отношения айнов.

Предварительные замечания. Среди образцов фольклора айнов о Хоккайдо можно встретить тексты, которые трудно отнести к какому-либо одному из известных жанров. Это и не *камуй юкар* – героические песнопения, в которых главный герой (обычно обожествляемое животное, растение или явление природы) рассказывает о своих переживаниях или поступках, и не волшебные сказки *увепекере*, истории, в которых показана жизнь как жи-

Статья поступила 22.09.2020 | Окончательный вариант принят к публикации 17.06.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Осипова М.В. Минамото-но Ёсицунэ и самурай Мацумаэ: демоны или божества айнов (по материалам айнского фольклора) // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 198–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010122>

Osipova, M.V. 2022. Minamoto-no Esitsune i samurai Matsumae: demony ili bozhestva ainov (po materialam ainskogo fol'klora) [Minamoto no Yoshitsune and the Matsumae Samurai: Demons or Deities of the Ainu (Studying the Ainu Folklore)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 198–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010122>

вотных, так и обычных людей, и не *унаскома* – правдивая история о путешествиях айнов. Это, скорее, нарративы – тексты, по мнению философа А. Данто (1924–2013), содержащие исторические события, имевшие место в реальности (Данто 2002: 139). Главными героями в них выступают люди, жившие в определенный исторический период времени. В данном случае речь идет о японцах, принадлежавших к сословию самураев, и их слугах, ставших героями айнских фольклорных текстов. Целью же представленной статьи является определение причины различного к ним отношения коренного населения и той роли, которую играли инокультурные и иноязычные герои – японские самураи – как в жизни айнов, так и в их нарративах. Чтобы достичь поставленной цели, необходимо, прежде всего, ответить на следующие вопросы: почему японские самураи и их слуги стали героями этих текстов и какие их действия побудили айнов одним воздавать почести, а других проклинать. Для этого проведем тщательный анализ сюжетов, представленных в нарративах.

Краткая историческая справка о героях нарративов

Впервые о существовании в айнском фольклоре героя-японца в Европе стало известно из дневниковых записей английской путешественницы и писательницы XIX в. Изабеллы Бёрд (1831–1904), хотя о нем упоминал еще японский государственный деятель Араи Хакусэки (1657–1725) в своей книге “Описание Эдзо” (蝦夷志, “Ezo shi”). Однако из-за языкового барьера текст этого источника долгое время был недоступен европейской публике. Оба автора представили читателям на страницах своих произведений реально существовавшую историческую фигуру – Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189).

В своей знаменитой книге, посвященной путешествию по Японии, “Нехоженными путями по Японии” (“Unbeaten Tracks in Japan”; 日本奥地紀行, *Nihon Okuchi Kikō*), И. Бёрд, посещая айнское селение Биратори, удостоилась чести побывать в священном для айнов месте, связанном с Ёсицунэ. Доступ туда европейцам и тем более женщинам был закрыт, но для нее было сделано исключение. Этот визит путешественница описывала следующим образом. Ее привели на вершину горы, где на краю обрыва в тихом месте стоял деревянный храм, похожий на японский, подобный тем, что она видела на о. Хонсю. Внутри храма имелась широкая полка, на которой стояли маленькая рака с фигуркой исторического героя Ёсицунэ в доспехах, пара деревянных фетишей *гохэй*, украшенных бумажными лентами *сидэ*, пара подсвечников и китайская картина. На И. Бёрд большое впечатление произвело выказываемое айнами почтение японскому самураю, и даже поклонение (*Bird* 1881: 70–72). О существовании слагавшихся в его честь легенд Бёрд не упоминала. Только через семь лет, в 1888 г., был опубликован фольклорный текст об этом герое, записанный филологом Б.Х. Чемберленом (1850–1935). Спустя четыре года преподобный Дж. Бэчелор (1854–1944) в книге “Ainu Of Japan. The Religion, Superstitions, and General History of the Hairy Aborigines of Japan” (“Айны Японии. Религия, суеверия и общая история волосатых аборигенов Японии”) и позже в “The Ainu and Their Folklore” (“Айны и их фольклор”) поместил нарративы о Ёсицунэ и его слуге по имени Бэнкэй. Стоит заметить, что Б.Х. Чемберлен о существовании храма не упоминал. Дж. Бэчелор, проживший в Биратори среди айнов более 40 лет, позже объяснил его появление. Правительство сёгунов бакуфу и правящий на острове клан Мацумаэ предпринимали различные попытки ускорить процесс ассимиляции и аккультурации коренных жителей Эдзо (Хоккайдо) и с этой целью знакомили айнов с новыми героями и строили в их честь храмы. Тот, который видела Бёрд, был

построен японцем из Сарабутто, хотя, по признанию самих айнов, идолам¹ они не поклонялись, этого не было в их традиции (*Batchelor* 1892: 242–244).

Какое место занимал Минамото-но Ёсицунэ в японской истории? Почему об этом человеке слагались легенды и японцами, и айнами, и до сих пор он остается излюбленным персонажем фильмов, видеоигр и манга? Если не вдаваться в подробности жизнеописания героя, то история его жизни такова: Минамото-но Ёсицунэ был сыном Минамото-но Ёситомо (1123–1160), представителем клана Минамото, который наряду с кланом Тайра был одним из могущественных кланов средневековой Японии (XII в.). Спустя год после рождения Ёсицунэ его отец и большинство членов семьи после неудачной попытки в 1160 г. свержения правящего клана Тайра были казнены. Мать Ёсицунэ, два брата и он сам остались в живых, но были сосланы в разные регионы страны. Ёсицунэ был отправлен на север о. Хонсю, где рос и воспитывался под началом Фудзивара-но Хидэхира (1122–1187), правителя полуавтономного северного региона, принадлежавшего Северному клану Фудзивара. В 1180 г. Ёсицунэ воссоединился со своим старшим братом Минамото-но Ёритомо (1147–1199), сосланным ранее в Идзу, чтобы организовать восстание против Тайра. В сражениях Ёсицунэ показал себя как искусный и удачливый полководец. Клан Тайра пал, а Ёритомо впоследствии объявил себя сёгуном. Вскоре он стал подзрывать младшего брата в желании захватить власть и приказал убить Ёсицунэ. Последний вынужден был бежать. Он попросил убежища у клана Фудзивара. Но сын скончавшегося к тому времени Фудзивара-но Хидэхира Ясухира (1155–1189), опасаясь поступавших от Ёритомо угроз, не мог долго скрывать у себя беглого Ёсицунэ. Тот, осознав нависшую над ним опасность, предпочел совершить самоубийство, убив перед этим всех членов своей семьи, включая жену и дочь (*Климов и др.* 2020: 11–12).

Ёсицунэ стал легендой еще при жизни. Так, в дневнике сподвижника Ёритомо Кудзэ Канэзданэ (Фудзивара-но Канэзданэ, 1149–1207) имеется запись от 1185 г., в которой сказано, что “...бесспорно Ёсицунэ достиг многого. Его имя должно остаться потомкам как образец храбрости, доброжелательности и справедливости. Им можно восхищаться. Единственным его преступлением стало решение восстать против Ёритомо” (Minamoto Yoshitsune s.a.). Несмотря на неоспоримое доказательство смерти героя (голову Ёсицунэ доставили в Камакуру и провезли по городу), в северных префектурах о. Хонсю – Иватэ, Аомори и на о. Хоккайдо – большое распространение получили устные рассказы о том, что защитник всех обиженных Минамото-но Ёсицунэ все же остался жив. Он спасся, перебравшись на Хоккайдо (в прошлом Эдзо) (*Frey* 2011: 125–126; *Irish* 2009: 37). Здесь стоит упомянуть и верного слугу Ёсицунэ, воина-монаха Сайто-но Мусасибо Бэнкэй (1155–1189), имя которого можно встретить в айнских нарративах рядом с именем Ёсицунэ. Ученые (И. Моррис, Х. Симадзу) не пришли к единому мнению о том, являлся ли Бэнкэй фигурой мифической или же реальной. В “Хрониках о Ёсицунэ” (“The Chronicle of Yoshitsune”; 義経記, Gikeiki) он изображен человеком большой физической силы, мудрым, эрудированным и обладающим чувством юмора (*Morris* 1975: 93–94).

Не меньшего внимания со стороны айнов удостоились и представители клана Мацумаэ, правившие на о. Хоккайдо в годы позднего средневековья. Целый ряд текстов дает представление о жизни этих людей.

История становления этого клана связана с самурайским родом Андо, под чьей властью в период Камакура (1183–1333) находилась часть п-ва Осима на южной оконечности Хоккайдо. С середины XV в. вассалы Андо стали селиться и сооружать на южных территориях о. Эдзо (Хоккайдо) свои опорные пункты для защиты от воинственных айнов. Среди этих японцев был Какидзаки Суэ-

сигэ (?–1462), сменивший затем фамилию на Мацумаэ и давший начало клану правителей Хоккайдо.

Айны были недовольны захватом их земель японцами. В 1456 г. под предводительством старейшины Косямаина произошло восстание айнов, жестоко подавленное японцами. В подавлении восстания самое активное участие принял полководец Такэда Нобухиро (1431–1494), которому род Какидзаки передал право главенства в их доме. Вскоре клан Какидзаки, находясь в вассальной зависимости у клана Андо, стал практически единовластным хозяином южной части Хоккайдо. В 1604 г. глава клана Какидзаки Ёсихиро (1548–1616), к тому времени уже принявший фамилию Мацумаэ, добился от сёгуна Токугава Иэясу (1543–1616) исключительного права на торговлю с коренными жителями Хоккайдо – айнами (Щепкин 2017: 52–60). Теперь те, кто хотел торговать с ними, могли купить товары, произведенные аборигенами, только через представителей клана. Это серьезно ограничивало участие айнов в торговых процессах. Коренное население попало в полную зависимость от правителей Мацумаэ. Глава одного из айнских селений свидетельствовал, что если в начале правления рода Какидзаки за один мешок риса объемом в два *то*² платили пятью связками сушеного лосося, то с получением исключительного права на торговлю представители клана за то же количество рыбы давали лишь семь или восемь *сё* риса.

Японцы начали усиленно эксплуатировать природные ресурсы страны айнов: рыбачить в устьях рек большими сетями, оставляя тех, кто жил в верховьях, практически без рыбы, за открытым на территории Эдзо золотом ринулись тысячи японских золотоискателей, в охотничьих угодьях айнов хозяйничали охотники на орлов. Эти вторжения наносили непоправимый ущерб жизнедеятельности аборигенов. При этом айнов заставили принять присягу на верность клану Мацумаэ, в которой говорилось, что все распоряжения князя Мацумаэ, вне зависимости от их содержания, должны неукоснительно выполняться, а надлежащее исполнение приказов контролировалось айнскими вождями. О заговорщиках, замышлявших бунт, необходимо было немедленно докладывать, с тем чтобы вовремя послать войска для усмирения бунтующих. Айнам предписывалось обеспечивать свободный и безопасный проход по о. Эдзо *сямо* (японцам) и снабжать их пищей. Аборигенам запрещалось применять насильственные действия против охотников на орлов и золотодобытчиков, а также предписывалось не применять насилия против торговых кораблей и торговцев из других кланов. В то же время коренным жителям запрещалось покупать и продавать свой товар, за что предполагалось наказание; им также запрещалось вести переговоры о цене товара, так как она была фиксированной – пять шкур ценных пород зверей или одна связка сушеного лосося за один мешок риса. Айны были обязаны обеспечивать беспрепятственное прохождение почтовых отправок, почтовых лошадей, чиновников. Жестокое угнетение народа со стороны представителей клана вызвало чувство ненависти к завоевателям. В таких условиях трудно было ждать от айнов покорности. Антияпонские выступления на острове продолжались почти сто лет вплоть до 1536 г. (Siddle 1996: 30–35; Lum 2010: 192–193; Kramer 2003: 94). Взаимоотношения айнов и правителей Мацумаэ и их вассалов нашли свое отражение в целой серии айнских нарративов.

Нарративы, связанные с образами Минамото-но Ёсицунэ, его слуги по имени Бэнкэй, правителей клана Мацумаэ и их подданных

В японской фольклорной традиции различают четыре основных вида нарративов о Минамото-но Ёсицунэ. Три из них касаются жизнеописания героя, в

основе четвертого лежит тема чудесного спасения Ёсицунэ и его жизнь среди “варваров” Эдзо (Abe 2008: 198–218). В айнском же фольклоре, в свою очередь, можно выделить три самостоятельных сюжета о Ёсицунэ. Первый – о счастливом спасении героя, он перекликается с четвертым японским. Второй – о краже священной книги айнов, идентичен сюжету, изложенному в японских “Хрониках о Ёсицунэ”, где самурай крадет книги по военной стратегии. Третий же сюжет – о взаимоотношениях Ёсицунэ и айнских божеств-животных.

Самыми многочисленными айнскими нарративами о Минамото-но Ёсицунэ являются рассказы о его бегстве с о. Хонсю и чудесном спасении на о. Эдзо (Хоккайдо). Началом может послужить записанное Н. Такахаси (1942–1991) на Хоккайдо повествование, которое излагает версию о божественном провидении, когда Ёсицунэ, спасаясь бегством от преследований брата Ёритомо и пересекая пролив Цугару, попал во внезапно опустившийся на море густой туман. Герой понял, что это проделки злого духа. И тогда он выпустил стрелу прямо в туман, который вдруг рассеялся, и Ёсицунэ смог продолжить свой путь на остров (Такахаси 2010: 52–53). До сих пор в Японии считается, что мыс Якоси – это то место, над которым пролетела стрела Ёсицунэ. Однако, по словам Н. Такахаси, несмотря на то что текст записан на острове, айнским он не является. Скорее всего, этот нарратив – японского происхождения.

Существует несколько вариантов нарратива о счастливом спасении Ёсицунэ, где присутствует любовная линия. Японский популяризатор айнской культуры Сарасина Гэндзо (1904–1985) записал рассказ, согласно которому Ёсицунэ, добравшись до Эдзо, спрятался в доме местного старейшины, у которого была дочь по имени Сирара (что означало “морской прилив”). Молодые люди полюбили друг друга. Но, услышав, что место его пребывания стало известно преследователям, герой вынужден был бежать, не оповестив об этом возлюбленную. Сирара, узнав о предательстве Ёсицунэ, бросилась в море со скалы, которая получила название Дзёро-ива “Скала блудницы” (Сарасина 2014: 65). Э. Айриш (1934 г.р.) упоминает еще одну легенду, согласно которой Ёсицунэ после прибытия на о. Эдзо (Хоккайдо) вскоре покинул остров. Айнская девушка, его возлюбленная, была так опечалена его отъездом, что бросилась в море возле мыса Камуй, который находится недалеко от Отару. По другой версии, она так долго стояла на берегу, вглядываясь в морскую даль и пытаясь увидеть Ёсицунэ, что превратилась в скалу (Irish 2009: 37).

При рассмотрении нарративов о бегстве и спасении Минамото-но Ёсицунэ возникает вопрос: почему, несмотря на то что главным действующим лицом в них является японский самурай, они прочно вошли в фольклор айнов? На наш взгляд, это можно объяснить следующим образом. В этих нарративах необычный герой страдает от зависти старшего брата и, несмотря на все заслуги, вынужден спасаться бегством от преследований. Возможно, что айнам, оказывавшим сопротивление японским захватчикам, был необходим герой, испытывающий несправедливое к нему отношение и принадлежащий к другому народу (в данном случае – к их противникам) и другой культуре. Им стал Минамото-но Ёсицунэ.

Возвращаясь к сюжету, упомянутому Э. Айриш, следует сказать, что он интересен еще и тем, что имеет продолжение и излагает необычную версию бегства и спасения героя. После того, как Ёсицунэ покинул Хоккайдо, он якобы через Маньчжурию добрался до Монголии, где принял имя Чингисхана. Легенда получила свое развитие в работе японского студента Кембриджа Суэмацу Кэнтё (1855–1920). После того, как он ознакомился с этой гипотезой, изложенной в книге Ф.Ф. фон Зибольда (1796–1866) “Nippon” (“Япония”), Суэмацу Кэнтё провел исследование, озаглавленное “The Identity of the Great Conqueror Genghis Khan with the Japanese Hero Yoshitsuné: An Historical Thesis”

(“Отождествление великого завоевателя Чингисхана с японским героем Ёсицунэ: историческое исследование”, 1879 г.). Затем эту идею подхватил священнослужитель Оябэ Дзеэнъитиро (1867–1941), опубликовавший в 1924 г. книгу “Чингисхан – это Минамото-но Ёсицунэ” (成吉思汗ハ源義經也, “Gengisu Kan wa Minamoto no Yoghitsu no narī”), которая привлекла внимание широкой публики и стала бестселлером (*Bulag* 2010: 40). Однако в свое время Р. Сторри (1913–1982) говорил, что этот миф долгое время поддерживался и пропагандировался японскими военными. Делали они это по разным причинам, в том числе и политическим (*Storry* 1991: 39). И это несмотря на то, что еще в средневековой Японии сильный и смелый воин Чингисхан был известен как выходец с территории нынешней Монголии. С точки зрения айнской мифологии, принятие версии о тождественности Ёсицунэ Чингисхану и последующее уважительное к нему отношение произошло, вероятно, по двум причинам. Во-первых, здесь, скорее всего, налицо восхищение смелостью героя, сопротивлявшегося в начале своего жизненного пути проявляемой к нему несправедливости. Что же касается самих айнов, то они тоже сопротивлялись несправедливому отношению к ним со стороны японцев.

Существует еще два сюжета, связанных с проживанием Ёсицунэ на острове. Рассмотрим подробнее сюжет о краже героем священной книги айнов, по которой они учились грамоте. Этот сюжет, в отличие от предыдущего, по мнению японского лингвиста Киндайти Кёсукэ (1882–1971), является более поздним по происхождению. Если легенды о Ёсицунэ появились в японской литературе в XV в. («Хроники о Ёсицунэ», 義経記, Gikeiki), то одно из первых упоминаний об айнском нарративе с этим сюжетом было опубликовано в 1709 г. в произведении “Рассказы об Эдзо” (蝦夷談筆記, “Ezo-dan hikki”), автором которого был Мацумия Кандзан (1686–1780) (*Howell* 1951: 263).

В айнской фольклорной традиции есть две версии этого сюжета. Согласно первому, записанному Дж. Бэчелором в с. Биратори, священная книга айнов, по которой они учились грамоте, “Тора но маки моно” (“Tora no makī mono”), хранилась у старейшины Биратори, который приютил Ёсицунэ и даже выдал замуж за него свою дочь. Старейшина никогда не показывал обретенному зятю книгу, однако последний в отсутствие старейшины упрямил свою жену показать ему сокровище. Та согласилась, а когда убирала книгу на место, то не заметила, что Ёсицунэ следил за ее действиями и смог затем выкрасть священный предмет. Согласно нарративу, мужчина уговорил свою жену бежать, прихватив с собой книгу. Бросившийся в погоню за беглецами старейшина, кроме книги и лодки, которой воспользовались беглецы, потерял два ценных копья, когда пытался остановить Ёсицунэ. Дж. Бэчелор считал, что этот нарратив призван был объяснить причину отсутствия у айнов письменности (*Batchelor* 1901: 265–268).

Вариация этого сюжета с кражей книги была записана Б.Х. Чемберленом. В ней речь идет уже не о старейшине, а о том, что Ёсицунэ был гостем первопредка и божества айнов Окикуруми и его сестры Туреши (Турешмат). Окикуруми считался первоучителем айнов, он показал людям, как охотиться с луком и стрелами, рыбачить с помощью сети, лучить рыбу копьём и т.д., получая эти знания из священной книги. Однажды в землях айнов появился мужчина, как было сказано в повествовании, божественной наружности. Окикуруми приютил его, и тот стал помогать доброму хозяину во всех делах и даже научил Окикуруми грести с помощью весел, чем завоевал доверие божества. Как и в предыдущем нарративе, Окикуруми женил пришельца на своей сестре Туреши, но тот, воспользовавшись оказанным доверием, украл священную книгу, что стало все той же причиной отсутствия у айнов азбуки и их неумения читать и писать (*Chamberlain* 1888: 51–53).

Доказательством заимствования сюжета с кражей священной книги может служить параллель из “Хроник о Ёсицунэ” и из произведения “Священник Оничичи”. А. Ковалевская отметила в своем исследовании, что в японских текстах героем были похищены китайские трактаты Лю Тао и Сан Люе, посвященные гражданской и военной стратегии. Украденная у айнов книга “Тора но маки моно”, по утверждению Дж. Бэчелора, являлась не чем иным, как японским трактатом по стратегии (Kovalevskaya 2017: 76; Batchelor 1892: 115). К сожалению, преподобный Бэчелор в своем труде не объяснил, о какой именно стратегии шла речь – военной или гражданской. Проанализировавший в своей работе “Хроники о Ёсицунэ” эпизод с кражей книги А.Ю. Синицын пояснил, что трактат “Тора но маки моно” в японских сказаниях о Ёсицунэ (как и трактат в записанном Бэчелором нарративе) имел и другие названия или упоминался без названия. Его хранителями выступали мифические персонажи, связанные «с магией и “потусторонним” миром божеств и демонов». Сам же трактат являлся одной из магических книг, в которых текст по его прочтении исчезал. Автор пришел к выводу, что, вероятно, реальный Ёсицунэ действительно изучал военное дело по китайскому трактату Лю Тао (Синицын 2006: 191). Что же касается айнского сюжета с украденной священной книгой, то, как уже упоминалось выше, необходимо было найти логическое объяснение отсутствию у айнов письменности.

Анализируя представленные сюжеты, следует принять во внимание тот факт, что появившиеся в средние века сказания, в которых героем выступал японский самурай, по словам Киндаити Кёсукэ, были привнесены в айнский фольклор представителями клана Мацумаэ (Tanimoto 2000: 186). Японские правители всячески старались подчеркнуть ущербность коренного населения Хоккайдо, отсталость их культуры по сравнению с японской. В системе сословий Японии айны занимали строчку даже ниже *буракумин* – сословия изгоев.

Айнским же можно считать третий тип сюжета, в котором Ёсицунэ вступает в контакт с животными-божествами айнов. Этот сюжет рассказывает о той помощи, которую оказал герой божеству-кукушке. Здесь проявляется почитание айнами животных и их трепетное отношение к ним как божествам (*камуй*). Сюжет с божеством-кукушкой интересен еще и тем, что в айнском фольклоре, в отличие от многих птиц-божеств, она выступает в разных ипостасях. Это и божество, предсказывающее несчастье, и божество-проводник прихода весны, и божество-проводник души в мир иной; в то же время божество-кукушка – родственник человека, его покровитель и помощник (Осипова 2010: 47–51).

Рассматривая сюжет нарратива об этой птице, необходимо учитывать, что согласно айнской мифологии, часть божеств-птиц, населявших землю айнов, спустилась с небес, а часть имела земное происхождение. Божество-кукушка, согласно айнским *камуй юкар*, относилась к тем из них, чьим местом происхождения была земля. Но она не знала ничего о своих предках. Желание узнать это легло в основу сюжета, изложенного Бэчелором. Божество-кукушка, пытаясь найти того, кто открыл бы ей тайну ее происхождения, спустилась к устью реки Сару, села возле дома слуги Ёсицунэ и стала громко плакать, чем вызвала его гнев. Бэнкэй прогнал кукушку, объявив ее перед жителями деревни злым духом. Тогда птица отправилась к дому Ёсицунэ, где продолжила плакать. Герой догадался о причине ее плача и решил помочь птице. Отношение Ёсицунэ к божеству айнов демонстрируют его слова и уважительное обращение: “Госпожа, Вы в действительности замечательная, но плачете от того, что не знаете, кто были ваши предки. В очень древние времена чужестранец высадился в устье реки Сару и, исследуя его, обронил свою трубку и кiset с табаком и потерял их. Но

так как было невозможным для них просто сгнить, то они превратились в птицу. Вы и есть та птица” (*Batchelor* 1901: 216).

В другом варианте этого сюжета, опубликованном Миура Киёко, герой, представленный как чужой, незнакомый кукушке человек “хоть и ростом мал, / да в броню одет, / и доспехи те / златом шитые. / Солнца свет / от лица его / озарял вокруг / все окрестности” (перев. с англ. – М.О.), в чьем образе угадываются черты Ёсицунэ, ругал божество-кукушку за то, что ее плач и пролитые слезы стали причиной засухи на земле айнов (*Miura* s.a.). Но он все-таки открыл птице тайну ее происхождения. В основе своей оба сюжета идентичны. Но из повествования не совсем понятно, каким образом Ёсицунэ стала известна тайна происхождения божества-кукушки, ведь айны-жители деревни, куда она прилетела, ничего о ее предках не знали. Не смог понять причину плача кукушки и Бэнкэй, слуга Ёсицунэ. Объяснением может служить лишь то, что, возможно, самураи сам рассматривался айнами как божество и как божеству ему были известны многие тайны.

Второй нарратив из этой серии повествует о том, как Ёсицунэ отправился со своим слугой на рыбалку, чтобы поймать рыбу-меч, во время которой его действия явно указывали на то, что он являлся божеством. Дело в том, что группа айнов отправилась рыбачить раньше Ёсицунэ, чтобы занять лучшее место. Но случилось так, что самурай поймал рыбу, а айны ничего не поймали. Во время промысла случилось непредвиденное: загарпуненная рыба потащила лодку в открытое море и, согласно объяснению автора, Бэнкэй, запутавшись в леске, то ли упал в море и утонул, то ли погиб каким-то другим образом. Но Ёсицунэ не выпустил веревку от гарпуна из рук и стал проклинать рыбу-меч, пророчествуя ей беды – боль в голове от оставшегося в ней металлического гарпуна, всходы конопли на ее теле от конопляной лески и выросший лес из липы от веревки, сплетенной из коры липы. Такими проклятиями Ёсицунэ грозил рыбе-меч за недостойное поведение. Казалось, что рыба-меч поняла его и ответила, что вела себя так, потому что подумала, что это айны, а не он, Ёсицунэ, загарпунили ее. Однако в действительности она лишь посмеялась над героем и попыталась уплыть в море, но в тот же миг ощутила страшную боль от гарпуна в голове, а сквозь ее тело стали прорастать конопля и деревья. Умиравшую, ее выбросило на берег. Вокруг рыбы тут же собрались вороны и собаки и стали поедать ее останки, оскверняя тем самым божество-рыбу. В отличие от животных-божеств, которых хоронили с почестями, останки этой рыбы должны были быть отданы на поругание. Нижнюю челюсть, согласно предсказаниям Ёсицунэ, должны были использовать в хозяйстве во дворе дома, а верхнюю, привязав камень, выбросить в море (*Batchelor* 1892: 155–157).

Этот нарратив интересен тем, что в нем Ёсицунэ ассоциируется с предком айнов Окикуруми, а Бэнкэй – с его помощником Самаем. Эту тождественность пытались обозначить японские путешественники, побывавшие на Хоккайдо и услышавшие рассказы об айнском божестве. Повествования об Окикуруми напоминали им подобные японские легенды, связанные с Ёсицунэ, что дало повод привнести возникшие ассоциации в айнские нарративы. Однако Киндайти Кёсукэ утверждал, что образ божества Окикуруми не тождественен образу Ёсицунэ. Танимото Кадзуюки (1932–2009) привел слова свидетеля, утверждавшего, что если среди слушателей были японцы, то в угоду этим слушателям айны заменяли имена героев сказаний, например, Окикуруми на Ёсицунэ и Бэнкэй на Самай. Это указывало на то, что айны вынужденно принимали японские сказания об этих героях как часть своей культуры (*Kindaiti* 1940: 332–334; *Tanimoto* 2000: 176). Таким образом, уважительное отношение Ёсицунэ к айнским божествам, даже отличавшимся порой ненадлежащим поведением, его

сила против силы божеств сделали его героем не только в заимствованных сюжетах, но и в айнских.

Так кто же японский самурай Ёсицунэ в айнских сказаниях – божество или демон³? Анализ нарративов об этом герое показал его двойственный характер. С одной стороны, Ёсицунэ – японский самурай и проявляет коварство по отношению к айнам: он крадет священную книгу, из-за него гибнет девушка, дочь старейшины. Это отрицательные поступки, присущие демону. С другой стороны, он, имеющий божественную наружность, совершает действия, характерные для божества (разгоняет туман, который опустился по воле злых духов, учит первопредка айнов полезным вещам, объясняет божеству-кукушке тайну ее происхождения, наказывает рыбу-меч за недостойное поведение, что по силам только божеству) и даже женится на сестре божества, что недоступно обычному человеку. Это означает, что Минамото-но Ёсицунэ рассматривался айнами как божество. Кроме того, признание айнских божеств-животных *камув* божествами, что означало уважительное отношение к анимистическим взглядам айнов на природу, несомненно, повлияло на отношение к нему айнов.

Ярким образом японского фольклора в сказаниях о Ёсицунэ является его слуга Бэнкэй (Сайто-но Мусасибо Бэнкэй). Доказательством популярности этого героя считалось наличие на море скалы, названной в его честь – Бэнкэй-га-хана (“Нос Бэнкэя”). Но еще Араи Хокусэки в своем “Описании Эдзо” (蝦夷志, “Ezo shi”) упомянул переписку с ученым Асака Тампаку (1656–1737), в которой последний развенчивал этот миф. Позже Нагата Хосэй (1838–1911) в своем топонимическом словаре дал полное объяснение названию упомянутой скалы. Здесь, по мнению ученого, имело место созвучие айнских “б-п”. Правильно было произносить название мыса “Пэрэкэй”, что означало “развалины”, а не “Бэнкэй”. Среди топонимов Хоккайдо автор нашел большое количество с составной частью “бэнкэ” или “пэнкэ” – “нижний” (*Kindaiti* 1940: 320, 329). И они никоим образом не были связаны с именем слуги Ёсицунэ.

В айнских нарративах, в отличие от образа Ёсицунэ, образ его слуги встречается нечасто, причем Бэнкэй выставлен в них не в лучшем свете. В повествованиях его то называют по имени, то, указывая на его национальную принадлежность, называют Самаем, от айнского *сямо* – “японец”. Почему же Бэнкэй не пользовался популярностью у айнов? По-видимому, все дело в его неуважительном отношении к айнским божествам. Например, в повествовании о кукушке вместо того, чтобы успокоить божество, обратившееся к нему за помощью, он прогнал птицу, оскорбив ее: «“Это ведьма мира и деревень сошла на землю. Пусть старейшины спрячутся, а люди проклинают ее”. Так повелел он. Поэтому вожди спрятались, а простые люди стали осыпать птицу проклятиями» (*Batchelor* 1901: 216). В нарративе о рыбе-меч неясны причины гибели слуги, т.е. тот, кто рассказывал Бэчелору эту историю, намеренно “умертвил” неудобного героя повествования. Если вспомнить, что слуга обучался в монастыре буддистской школы Тэндай на горе Хиэй, одном из религиозных центров Японии, где был пострижен в монахи, и являлся затем последователем этого учения (*Ковалевская* 2020: 60), то в этом случае возможно предположение, что причина нелюбви к слуге Ёсицунэ в том, что он – олицетворение иной, чуждой веры. В эпизоде с кукушкой представитель официальной религии – буддизма – негативно отозвался об айнском божестве, проявив неуважение к анимистическим взглядам айнов, не признавая обожествляемых аборигенами животных. Это вызвало соответствующее к нему отношение. Но возможно, что в заимствованных сюжетах Бэнкэй не играл заметной роли, поэтому он и не снискал славы и частого упоминания в отличие от его господина Ёсицунэ в айнских нарративах.

О самураях, представителях клана Мацумаэ, нарративов не так много, как о Ёсицунэ, но они все-таки имеются в фольклоре айнов. Здесь есть повествования как с комическими, так и с трагическими сюжетами. Появление этих устных сказаний у айнов связано в основном с временным периодом позднего средневековья, когда клан стал полновластным хозяином айнских территорий на Хоккайдо.

Исследователями айнской культуры Тири Масихо (1909–1961) и Такахаси Нобукацу было записано сказание об озере Апута (во втором случае Тоя), где прямо сказано, что его хранителем и божеством стал самурай из клана Мацумаэ. Это был сын самурая одной из ветвей клана, владевшей центральной частью острова Эдзо. В нарративе речь идет о том, что из дома самурая клана Мацумаэ был изгнан младший, необучаемый сын, не сумевший, несмотря на все старания отца, ни овладеть искусством владения мечом, ни читать, ни писать, что явилось позором для родителя. Скитаясь, юноша встретил молодого человека с точно такой же судьбой, и тот тоже был из семьи самураев Мацумаэ, но управлявшей восточной частью острова. В нарративе назывались места, где изгнанные юноши должны были совершить подвиги, защитив тем самым честь самурая: местность Абута, озеро Тоя (или Апута), остров Накадзима. В этом повествовании налицо сплав японского и айнского – встреча юношей из семей самураев была предопределена желанием айнских небесных божеств найти защитников озера. Эту миссию они поручили божеству реки Санпитара, который долго жил среди людей и знал их привычки. Божество Санпитара, именовавшийся по названию реки, обратил внимание на сыновей самураев клана Мацумаэ. И когда изгнанные семьями юноши продемонстрировали божеству свою силу и храбрость, то в награду они были выбраны в качестве защитников и хранителей озера, и, кроме того, божество Санпитара дал им в жены божественных девушек. Получив божественный наказ, обретя божественную силу и женившись на божествах, юноши-потомки семей японских самураев в айнском нарративе сами стали божествами. Нарратив заканчивается словами: “Так рассказал молодой господин из Мацумаэ, который сейчас – божество озера Апута” (*Chiri* 2000: 212–216; *Такахаси* 2010: 37–39).

Однако нарративов с самураями клана Мацумаэ, где они играют роль положительных героев, немного. В основном самураи Мацумаэ в айнских повествованиях являются героями отрицательными, проявляющими по отношению к айнам особую жестокость. В рассказах присутствуют их имена – в нарративе о трагедии возле мыса Якоси названы две реально существовавших фигуры: самурай Суэтанэ Аихара, правитель в замке Мацумаэ в Хакодате, и его советник Мураками Масанори.

Для предотвращения случившихся возле мыса морских крушений Суэтанэ Аихара решил воздвигнуть храм, обратившись по этому поводу за советом к предсказателю. Но тот сообщил, что для того, чтобы молитвы были действенными, требуются человеческие жертвоприношения. Советник правителя замка Мацумаэ Мураками Масанори поверил в предсказание и уговорил Суэтанэ Аихара выбрать в качестве жертв двадцать айнских девушек, при этом Мураками пообещал освободить их, если родители принесут в замок все свои богатства. Несмотря на то, что айны выполнили требование самурая, их дочери были брошены в море. И еще несколько дней люди могли слышать стоны и проклятия со дна моря возле мыса Якоси.

Эта история получила свое продолжение в нарративе о горе Комагадакэ. После означенных событий айны, охваченные гневом и желанием отомстить, напали на защитников замка Мацумаэ, заставив армию правителя отступить. Суэтанэ Аихара бежал в сопровождении двух дочерей. Достигнув озера Оума,

выбившиеся из сил дочери правителя, чтобы не попасть в руки преследователей, бросились в озеро, сам же правитель решил переплыть его на лошади. Достигнув безопасного места, он отпустил животное и, не надеясь на милость айнов, погиб, прыгнув в воду (*Такахаси* 2010: 44–45, 51).

В приведенных примерах самураи клана Мацумаэ – герои отрицательные. Они творят свои злые дела без тени сомнения и не зная жалости. Такое отношение вызывает гнев зависимых от правителей Мацумаэ людей и их желание мстить.

В айнском фольклоре есть серия новеллистических сказок с установкой на осмеяние. Часть из них объединена общим названием “Истории о Пенампе и Панампе”, где герои противопоставлены друг другу. Один из них, Пенампе, человек удачи – ловкий, сообразительный и изобретательный, а другой, Панампе, неудачник – неуклюжий, завистливый и бестолковый. Эти сказки были записаны и Дж. Бэчелором, и Б.Х. Чемберленом, и Н. Такахаси. В одной из них действующими лицами являются эти два героя и самураи клана Мацумаэ. В этой сказке идет речь о том, как Пенампе удалось обогатиться, обманув самураев. Он превратил свой половой орган в веревку, на которой были развешены богатые одежды японцев. Услышав рассказ об удачной проделке знакомого, Панампе решил поступить таким же образом, но поторопился, потерпел неудачу и был наказан правителями Мацумаэ, которые разрезали коварную “веревку” на куски (*Osipova* 2018: 907). Казалось бы, что сюжет нарратива не связан напрямую с обозначенной темой, но он показывает, что любое действие, связанное с обманом самураев, будет непременно наказано.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить следующее. Несмотря на то, что, по мнению исследователей айнской культуры (Дж. Бэчелор, К. Киндайти, Н. Такахаси, К. Танимото и др.), большая часть сюжетов в нарративах о японских самураях является заимствованной, эти повествования о событиях, происходивших на Земле айнов – *Айну Мосири*, прочно вошли в айнский фольклор. Принимая во внимание условность терминов “божество” и “демон”, использованных собирателями айнского фольклора во время записи текстов, определим ту роль, которую сыграли инокультурные герои в айнских повествованиях.

Анализ айнских нарративов о японских самураях показал неоднозначность их образов, что предопределялось их поведением. Если исполняемая самураем роль демонстрировала его добрые деяния по отношению к коренному населению о. Эдзо (Хоккайдо), то он рассматривался как божество. В случае совершения им недобрых поступков он становился провозвестником злых сил – демоном. Так, например, Ёсичунэ, с одной стороны, был божеством, демонстрируя божественные знания и силу, оказывая помощь айнам в овладении практическими знаниями, но, с другой стороны, его отрицательные поступки указывали на его злую сущность. Продемонстрировав божественную силу и получив напутствие айнских божеств, потомки клана Мацумаэ стали почитаться айнами как божества, тогда как правитель и советник клана Мацумаэ, продемонстрировавшие крайнюю жестокость и коварство по отношению к айнам и творившие зло в отношении аборигенов, стали для последних демонами. Эти нарративы с иноязычными и инокультурными героями заняли определенное место в айнском фольклорном наследии, рассказывались носителями языка и культуры и записывались собирателями как айнские, став, тем самым, неотъемлемой его частью.

Примечания

¹ В культуре айнов отсутствовала традиция изготовления антропоморфных и зооморфных скульптур. Исключение составляли фигурки медведей *инока* сахалинских айнов.

² Традиционная мера объема, до сих пор используемая в Японии для измерения риса: 1 то равен 10 сё, что составляет 18.039 л.

³ Необходимо иметь в виду, что термины “божество”, “демон”, использованные в названиях и в тексте, демонстрируют определенную условность совпадения значений со значениями айнских слов *камуй* и *вен камуй (ояси)*. Приведенные в тексте статьи нарративы были записаны исследователями иной культуры, исповедовавшими христианство и воспользовавшимися привычными им словами для обозначения высших добрых и злых сил. Эти слова звучат и в предлагаемой статье.

Источники и материалы

Сарасина 2014 – *Сарасина Г.* Айну дэнсэцую (“Собрание айнских легенд”). Предисловие, избр. переводы с яп. яз. и коммент. Е.Е. Ужинина // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (21). С. 56–79.

Такахаси 2010 – *Такахаси Н.* Сказки и легенды Хоккайдо / Перев. с англ. М. Осиповой. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2010.

Тири 2000 – *Тири М.* Сборник произведений Тири Масихо. Т. 1, Предания и песни о богах. Токио: Хейбонся, 2000. (на япон. яз.)

Batchelor 1901 – *Batchelor J.* The Ainu and Their Folklore. London: The Religious Tract Society, 1901.

Chamberlain 1888 – *Chamberlain B.H.* Aino Folk-Tales. London: The Folk-Lore Society, 1888.

Minamoto Yoshitsune s.a. – Minamoto Yoshitsune. <https://www.samurai-archives.com/yoshitsune.html> (дата обращения 25.01.2019).

Miura s.a. – *Miura K.* Yukara. Epos of the Ainu: Study and Translation Kamuy-Yukara. <https://www.sacred-texts.com/shi/ainu/yukara.htm> (дата обращения 20.12.2017).

Научная литература

Абэ Т. Изучение легенд о Ёсицунэ на Хоккайдо // Хокусэй ронсю. 2008. № 45 (6). С. 198–218. (на япон. яз.)

Данто А.С. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002.

Киндаити К. Исследования айнов. Токио: Ясима Сёбо, 1940. (на япон. яз.)

Климов В.Ю. и др. Из истории отношений японцев и айнов (конец XII – начало XIX вв.) // Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. / Под ред. В.В. Щепкина. СПб: ЛЕМА, 2020. С. 8–77.

Ковалевская А.И. Герой, наделенный легендарными родителями: формирование образа Мусасибо Бэнкэй в “Сказании о Ёсицунэ” // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 58–71.

Лим С.Ч. История айнского сопротивления японской экспансии в 1669–1789 годах в Эдзо // Вестник Сахалинского музея. 2010. № 17. С. 169–194.

Осипова М.В. Образ кукушки в мифоритуальной традиции тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Нижнего Амура и Сахалина // Вестник Поморского университета. 2010. № 9. С. 46–52.

Синицын А.Ю. Этнографический подход к сюжету о любовных похождениях

самурая Минамото Ёсицунэ, имевших место во время поисков секретного военного трактата // Кюнеровский сборник: материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Вып. 5, Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 190–196.

- Танимото К.* Слушать картины об айнах: летопись этномузыки в ее изменениях. Саппоро: Хоккайдо: дайгаку тосёкан кё:кай, 2000. (на япон. яз.)
- Щепкин В.В.* Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века. Новые исследования по японской культуре. Кн. 4. М.: Кругъ, 2017.
- Batchelor J.* Ainu of Japan: The Religion, Superstitions, and General History of the Hairy Aborigines of Japan. L.: The Religious Tract Society, 1892.
- Bird I.L.* Unbeaten Tracks in Japan: An Account of Travels in the Interior, Including Visits to the Aborigines of Yezo and the Shrines of Nikkō and Isé. L.: John Murray, Albemarle Street, 1881.
- Bulag U.E.* Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010.
- Frey C.J.* Yoshitsune Legends in Ezo-Hokkaido: Myth and the Teaching and Learning of Colonialism in Japan's North // Writing Postcolonial Histories of Intercultural Education / Ed. H. Niedrig, C. Ydsen. Frankfurt-am-Mein: Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. P. 122–148.
- Howell R.W.* The Classification and Description of Ainu Folklore // Journal of American Folklore. 1951. Vol. 64. No. 254. P. 361–369.
- Irish A.B.* Hokkaido: A History of Ethnic Transition and Development on Japan's Northern Island. L.: McFarland & Company, Inc., 2009.
- Kovalevskaya A.* Yoshitsune's Voyage Among the Islands – Folklore Tale Type and Its Variants in Japanese Culture // Survival and Sustainability: Contemporary Studies in Humanities 2 / Ed. W. Kono. Chiba: Graduate School of Humanities and Social Sciences, 2017. P. 73–82.
- Kramer E.M.* The Emerging Monoculture: Assimilation and the “Model Minority”. Westport: Praeger Frederick Publisher, 2003.
- Morris I.I.* The Nobility of Failure: Tragic Heroes in the History of Japan. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1975.
- Osipova M.V.* River as a Determinant of the Main Features of the Man's Character in Ainu Mythology // Educational Researcher. 2018. Vol. 9 (2). P. 904–910.
- Siddle R.* Race, Resistance, and the Ainu of Japan. N.Y.: Taylor & Francis Routledge, 1996.
- Storry R.* A History of Modern Japan. L.: Penguin Books, 1991.

Research Article

Osipova, M.V. Minamoto no Yoshitsune and the Matsumae Samurai: Demons or Deities of the Ainu (Studying the Ainu Folklore) [Minamoto-no Esitsune i samurai Matsumae: demony ili bozhestva ainov (po materialam ainskogo fol'klora)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 1, pp. 198–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010122> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Marina Osipova | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS (Universitetskaya nab. 3, Saint-Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Ainu, folklore, narrative, Japanese, samurai, deities, demons

Abstract

Research on the folklore of the Ainu – native residents of Pacific islands – has mainly focused on cases where animals, plants, or natural objects were the protagonists. Yet there are stories that involve historical characters, such as Japanese Samurai who represented a different culture. It is interesting that some of those were depicted as deities, while others as demons in the Ainu folklore. This issue is the focal point of the article. To examine it, I investigate a variety of Ainu’s own local motifs and stories, not just the borrowed ones which commonly served as a reference point in the Ainu studies. Furthermore, neither the borrowed nor the Ainu’s own motifs have been explored to date from the perspective of the animistic worldviews, and it has been a common practice to discuss Minamoto no Yoshitsune as the only character. I introduce a range of other Samurai characters, arguing that their examination is instrumental in filling certain lacunae of the Ainu research.

References

- Abe, T. 2008. Hokkaido: no Yoshitsune densetsu no ko:satsu [Studying Hokkaido Legends about Yoshitsune]. *Hokusei ronshu*: 6 (45): 198–218.
- Batchelor, J. 1892. *Ainu of Japan: The Religion, Superstitions, and General History of the Hairy Aborigines of Japan*. London: The Religious Tract Society.
- Bird, I.L. 1881. *Unbeaten Tracks in Japan: An Account of Travels in the Interior, Including Visits to the Aborigines of Yezo and the Shrines of Nikkō and Isé*. London: John Murray, Albemarle Street.
- Bulag, U.E. 1888. *Collaborative Nationalism. The Politics of Friendship on China’s Mongolian Frontier*. Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010.
- Danto, A.S. 2002. *Analiticheskaja filosofija istorii* [Analytical Philosophy of History]. Moscow: Ideia-Press.
- Frey, C.J. 2011. Yoshitsune Legends in Ezo-Hokkaido: Myth and the Teaching and Learning of Colonialism in Japan’s North. In *Writing Postcolonial Histories of Intercultural Education*, edited by H. Niedrig and C. Ydsen, 122–148. Frankfurt-am-Mein: Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften.
- Howell, R.W. 1951. The Classification and Description of Ainu Folklore. *Journal of American Folklore* 64 (254): 361–369.
- Irish, A.B. 2009. *Hokkaido: A History of Ethnic Transition and Development on Japan’s Northern Island*. London: McFarland & Company, Inc.
- Kindaichi, K. 1940. *Ainu no kenkyu*: [The Study of the Ainu]. Tokyo: Yashima Shobo.
- Klimov, V.Y., et al. 2020. Iz istorii otnoshenii yapontsev i ainov (konets XII – nachalo XIX vv.) [The History of the Relations Between the Japanese and the Ainu (Late 12th – Early 19th Century)]. In *Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII-XIX vv.* [Ainu in the History of Russian – Japanese Relations in 18th – 19th Centuries], edited by V.V. Shchepkin, 8–77. St. Petersburg: Lema.
- Kovalevskaya, A. 2017. Yoshitsune’s Voyage Among the Islands – Folklore Tale Type and Its Variants in Japanese Culture. In *Survival and Sustainability: Contemporary Studies in Humanities 2*, edited by W. Kono, 73–82. Chiba: Graduate School of Humanities and Social Sciences.
- Kovalevskaya, A.I. 2020. Geroi, nadelennyi legendarnymi roditeliami: formirovanie obraza Musasibo Benkei v “Skazanii o Yoshitsune” [A Hero, the Son of Legendary Parents: Formation of the Musashibo Benkei Image in the “The Tale of Yoshitsune”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 1: 58–71.

- Kramer, E.M. 2003. *The Emerging Monoculture: Assimilation and the "Model Minority"*. Westport: Praeger Publisher.
- Lim, S.C. 2010. Istorii ainskogo soprotivleniia yaponskoi ekspansii v 1666–1789 godakh in Ezo [The History of the Ainu Resistance to Japanese Expansion in 1669–1789 in Ezo]. *Vestnik Sakhalinskogo museia* 17: 169–194.
- Morris, I.I. 1975. *The Nobility of Failure: Tragic Heroes in the History of Japan*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Osipova, M.V. 2010. Obraz kukushki v miforitual'noi traditsii tunguso-man'chzhurov i paleoaziatov Nizhnego Amura i Sakhalina [The Cuckoo Image in the Mythical Tradition of the Tungus-Manchus and Paleoasians of the Lower Amur and Sakhalin]. *Vestnik Pomorskogo universiteta* 9: 46–52.
- Osipova, M.V. 2018. River as a Determinant of the Main Features of the Man's Character in Ainu Mythology. *Educational Researcher* 9 (2): 904–910.
- Shchepkin, V.V. 2017. *Severnyi veter: Rossiia i ainy v Yaponii XVIII veka. Novye issledovaniia po yaponskoi kul'ture* [The North Wind: Russia and the Ainu in Japan of 18th Century]. Bk. 4. Moscow: Krug.
- Siddle, R. 1996. *Race, Resistance, and the Ainu of Japan*. New York: Taylor & Francis Routledge.
- Sinitsyn, A.Y. 2008. Etnograficheski podkhod k siuzhetu o liubovnykh pokhozhdeniakh samuraia Minamoto Esitsune, imevshikh mesto vo vremia poiskov sekretnogo voennogo traktata [Ethnographic Approach to the Story of the Love Affairs of the Samurai Minamoto Yoshitsune, which Took Place during the Search for a Secret Military Treatise]. In *Kiunerskii sbornik: Materialy Vostochnoaziatskikh i Yugo-Vostochnoaziatskikh issledovani* [A Collection of Articles in Memory of N. Kuehner: The Results of Eastern Asian and South-Eastern Asian Studies], 5: 190–196. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera).
- Storry, R. 1991. *A History of Modern Japan*. London: Penguin Books.
- Tanimoto, K. 2000. *Ainu-e o kiku: hen'yo: no minzoku ongaku shi* [Listening to Ainu Paintings: Chronicles of Ethnic Music in its Changes]. Sapporo: Hokkaido daigaku toshokan ko:kai.